

18+

ДЕЛИ К.

Шёпот имени

Дели К.

Шёпот имени

«Издательские решения»

К. Д.

Шёпот имени / Д. К. — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-658444-0

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. «Мое прошлое лишает сна. Оно бредет за мной по пятам и не дает сделать вдох полной грудью. И почему ее зеленые глаза мне так знакомы?» Луис отправляется к специалисту, пытаясь найти покой, оставивший его месяц назад. Но будет ли он готов к тому, чтобы открыть дверь прошлого и узнать, почему двадцать лет назад его нашли на трассе с пробитой головой? Может, всему виной та девушка, глаза которой провожают его с некой злобой? Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-658444-0

© К. Д.

© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	20
Глава 3	28
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Шёпот имени

Дели К.

Редактор Мария Сарызина

Корректор Мария Сарызина

© Дели К., 2026

ISBN 978-5-0065-8444-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

— Артур, я не могу угнаться за тобой! Артур! — закричал Лео, когда спина брата исчезла за высоким сугробом.

Он резко ударил пятками в мёрзлую землю, укрытую белым одеялом снега, и упёрся ладошками в колени, пытаясь совладать со сбившимся дыханием. Лицо горело от колючего холода. Рука потянулась к шапке, оттянула назад, чтобы не загоразживала обзор, но было поздно — он вновь остался один. Брат не обернулся.

Ранним утром они играли на чердаке, где валялись старые сказки, спрятанные мамой. Артур показывал ему цветных чудищ и читал вслух, прерываясь лишь тогда, когда снизу кто-то проходил слишком близко к их «секретной базе». Наблюдать за тем, как читал его брат, было самым любимым занятием Лео. Полные губы Артура двигались то быстро, то медленно, а изо рта вылетали диковинные слова, о которых он и не догадывался раньше.

Мать позвала их через четверть часа к завтраку, после которого они слёзно упрасивали её отпустить их на улицу. И через несколько минут они уже стояли перед домом, укутанные, казалось бы, до макушки, и всё равно вздрагивали при каждом порыве ветра. Артур резко толкнул брата в грудь.

— Эй, ты чего? — обиженно спросил Лео, с трудом устояв на месте.

— Ты — вода, — просто ответил старший брат и сорвался с места.

Восторг захлестнул ребёнка, и он поспешил за широкими шагами Артура, наивно полагая, что когда-нибудь его догонит. Они уже были далеко за деревней, крыши домов исчезли из виду, а снег подчищал следы, скрывая от взрослых их маленькую шалость. Он остановился, обернулся, сглатывая слюну, и медленным шагом побрёл за братом, всё ещё тяжело дыша.

В глубоких карманах зашелестели пустые фантики, и он ощупал каждый, разыскивая последнюю уцелевшую конфету. Ноги завели его в старый сарай, и, когда мальчик уже вытащил сладость из кармана, чьи-то руки схватили его за плечи, резко дёргая назад. Он едва успел пискнуть — рот накрыли ладонью, конфета выпала из рук, и глаза в страхе закатились назад, наткаясь на фигуру знакомой девушки, неестественно склонившей голову на бок.

Мальчик дёрнулся, пытаясь скинуть с себя чужие руки.

— Тш-ш-ш, — это был Артур, — успокойся, Лео. Ни звука.

Сердце мальчишки беспокойно забилося. Лео накрыл ладони брата, чувствуя крохи тепла, овевшие его лицо. Артур осторожно оттащил его назад, время от времени оглядываясь по сторонам.

— Что такое? — тихо-тихо прошептал Лео.

Его оставили без ответа, и он надул губы, совершенно не понимая действий брата. Тот развернул его лицом к себе, вновь грубо хватая за плечи. Взгляд его был прям и строг.

— Ты помнишь, когда-то я рассказывал тебе о хижине? — быстро прошептал старший. Лео повернул голову в бок, не желая больше слушать. Что же это такое? Сначала он убежал от него, а теперь ведёт себя с ним так, словно это он что-то натворил. Но Артур был непреклонен и встряхнул его ещё раз. — Не время для обид, Лео. Ты помнишь?

— Помню, — спустя пару секунд молчания пробурчал ребёнок. Он вырвался из слабой хватки брата, делая шаг назад, и вскрикнул: — Мне больно!

Артур тут же прижал палец к его губам, шипя:

— Прекрати кричать! Это важно, послушай ме... — Артур резко обернулся, заглядывая через плечо, и так же быстро отвернулся обратно, внимательно следя за Лео. — В той хижине живёт учитель. — Он залез в карман и вытащил коробок спичек, пихая в руки брата. — Держи, там может быть холодно.

— Почему? — Не понимал Лео. — Я не...

— Иди к нему, — прервал брата Артур, сжимая крошечные ладошки Лео в своих руках. — За этим сараем сразу сверни направо. Направо, — повторил он, показывая направление рукой. — И беги. Он впустит тебя и, если попросишь, покажет тебе книги.

— Но мама будет ругаться, — возразил мальчишка, вжимая голову в плечи. Артур потянул его за куртку, прижимая к себе, и тёплые губы коснулись лба.

— С тобой всё будет хорошо, — прошептал он в ответ. — Давай, Лео, беги.

Он обеспокоенно поднял глаза-кнопки, слыша, как громко стучит сердце в ушах.

— Беги!

Мальчик сорвался с места.

Глава 1

Обычно страх — главная побуждающая сила в ситуациях, когда на кону твоя жизнь. Мы судорожно, точно умалишённые, ищем выход даже тогда, когда, как нам кажется, его не должно быть. Ведь что ещё так будоражит к побегу, как не страх?

Я не мог заснуть вот уже три недели кряду. Веки тяжелели день ото дня, но, стоило мне прикрыть их на секунду, мне тут же слышалось цоканье каблуков. Я тут же распахивал глаза в неопишемом ужасе, оглядывался по сторонам и вновь и вновь возвращался к первопричине моей бессонницы.

Сначала, в первые сутки, когда покой покинул меня и я ворочался, закручиваясь в кокон из простыней, точно чёртова гусеница, мои мысли раз за разом возвращались к последнему сну.

Это были чёрные лаковые туфли на высоком каблуке. Деревянная лестница под стройными ногами, поцарапанные дряхлые перила под её рукой. И мой бешеный страх. Сердце, комом вставшее в глотке, не могло перестать рваться наружу, а я зажимал рот руками, боясь проронить звуки, пляшущие на кончике языка.

Почему её зелёные глаза смотрели на меня с такой ненавистью?

Я чувствовал себя крошечным. Муравьём, мечущимся то туда, то сюда в надежде сбежать от её взгляда и острого носа начищенных туфель. Чья-то грубая рука схватила меня за шиворот, басистый голос обрушился градом неразборчивых слов, и только мой крик, вылетевший наружу, встряхивал тело, приводя в чувство.

В ту ночь я впервые проснулся от кошмара и больше не знал сна.

И вот прошло три недели, наполненных тщетными попытками уснуть: я закидывался снотворным, литрами пил сраную заваренную ромашку и считал долбанных овец в обратном порядке от тысячи.

— Детка, если бы не твоя бесконечная работа за компьютером и полное отсутствие нормального распорядка дня, ты бы спал как убитый, поверь мне, — вздыхала мать, взмахивая веером перед лицом. Официант поставил перед ней чашку кофе и тихо ретировался. Я покачал головой.

— Сомневаюсь, что дело только в этом, — сказал я, уныло наблюдая за тем, как люди проходят мимо летней веранды, на которой мы расположились. Я перевёл взгляд на мать, рассматривая седые волосы, зачёсанные в высокий хвост. Лицо её приняло розоватый оттенок, и капля пота, выступившая на лбу, медленно спускалась вниз. Её карие глаза в окружении мелких морщин сощурились, и она вновь взмахнула веером.

— С каких пор ты споришь с матерью, милый? — беззлобно спросила она, растягивая накрашенные розовым блеском губы в полуулыбке.

Усталость навалилась на плечи, и я обессиленно развалился в кресле.

— Нагрузка минимальна, не думаю, что дело исключительно в работе. Мой отпуск, как ты знаешь, был в прошлом месяце. Я всегда так опасно близок к краю. Кажется, вот оно — хватай не хочу, — я закрываю глаза, предвкушая сон, но проходит время, и «тайнства жизни» не происходит, как ты понимаешь.

— Ох, дорогой, я страшно переживаю за тебя, — вздохнула мать. — Может, стоит обратиться к специалисту? Он посмотрит анализы, пропишет тебе действенное снотворное. Подумаешь об этом. Когда моя подруга Розалин не могла подолгу уснуть, дело оказалось в нервной системе. Её бывший муж-придурок так изводил её, что еда и сон стали последним, о чём она думала в то время. Если бы не Гарольд, который вплотную занялся её лечением, не знаю, чем бы всё закончилось — только разводом или же убийством этого напыщенного петуха.

Я хмыкнул. Она редко ругалась на кого-то, одёргивала меня всякий раз, когда я говорил «дерьмо». Вот и сейчас её тело объяла дрожь, и она всплеснула рукой, встряхивая веер, словно всё раздражение сконцентрировалось в этой несчастной безделушке.

— Вряд ли это мой случай, — отнекивался я. — Она обратилась к психиатру, практикующему ещё и что? Расклад на таро? Я скептически отношусь к типам, любящим копошиться в моих мозгах. Для этого достаточно женщин, без обид, мам.

Она прикрыла рот ладонью, тихонько рассмеявшись.

— Гипноз, милый, мистер Гарольд практикует гипноз, а не берёт мастер-классы у гадалок. Тебе нужно серьёзно взяться за это. Как и за вопрос с отношениями, — певуче закончила она, всё ещё посмеиваясь надо мной. Я махнул на неё рукой.

— Ох, избавь меня ещё и от этого, иначе я только в гробу выплусь.

Мать цокнула, легонько шлепнув меня по ладони.

— Сплюнь! Как у тебя только язык повернулся говорить такое в моём присутствии!

Я покачал головой, улыбаясь ей в лицо. Конечно, её беспокойство не было беспочвенным, но мне бы хотелось не поднимать лишний раз разговор о личной жизни. В конце концов, мне не было ещё и тридцати, а о детях я и вовсе никогда не задумывался. Может, в будущем. Может, завтра. Сейчас меня больше волновала насущная проблема, каждое утро поглядывающая из зеркала.

Мешки под глазами угрожающе тянулись вниз, цвет лица приобрёл землистый оттенок, и я не мог сесть за руль последние две недели, панически боясь отключиться во время движения по эстакаде. Такси стало моим лучшим другом. В ушах ещё стоял шум двигателя моей ласточки. Она точно скучает по мне.

Я запустил руку в волосы, зачёсывая их назад. Рыжеватый волосок остался между пальцами, и я покрутил его, тут же выпуская прочь.

Может, её идея не так уж и плоха? Что, кроме нескольких сотен долларов, я потеряю? Своё время? В связи с последними событиями у меня его безгранично много. Кому какое дело, куда именно я потрачу тот или иной час?

— Ладно, — сдался я, вытянулся и сел прямо. — Скажи Розалин, что я хочу связаться с ней, посмотрим, что из этого выйдет.

— Конечно, детка.

Удовлетворение тут же отразилось на лице матери, и она подхватила клатч, почти мгновенно достав телефон.

Я уже жалел, что пошёл на эту авантюру.

Потолок в кабинете Гарольда казался жёлтым с примесью грязи. Шероховатая поверхность раздражала глаз.

Я плотно закрыл дверь, развернулся к нему и наблюдал за тем, как скромно этот мужчина присаживается на подлокотник своего кресла. Так, словно он, а не я гость в этом кабинете. Его серые глаза лениво провожали меня взглядом. Что ж. Мне уже было не по себе.

Он жестом пригласил меня сесть напротив, и это единственное, что казалось мне приятным в этом сеансе. Чашка чая, оставленная его секретаршей, стояла на журнальном столике. Я поднял глаза, осмотрелся и с раздражением уставился в потолок, отмечая один и тот же нюанс — закрытые золотистые шторы превращают девственно белый цвет стен и мебели в охристо-ржавый. По идее, это место должно было меня расслаблять.

Первые шесть букв в этом слове явно лишние, да? Я усмехнулся остроте своего ума.

На вид Гарольду было сорок с чем-то. Он напомнил мне отца, когда тот разглаживал ткань пиджака руками и проходил по лацканам, смотря в зеркало решительным взглядом,

словно вот-вот выйдет на сцену. Узел в животе скрутило от волнения, но я повторял себе, что волноваться тут не о чем. Это всего лишь мужчина с проседью, такой же, как и сотни других, но отчего-то его взгляд не давал мне покоя. От начала приёма прошло сколько минут? Десять? А он не произнёс ни одного слова. Даже чёртового, мать его, приветствия.

— Насколько я могу судить, опираясь на смешной опыт просмотра фильмов и сериалов, на приёме свойственно говорить, сэр. Если вы пытаетесь проанализировать мой эмоциональный спектр, то он весьма скуден, уверяю вас.

Гарольд постучал пальцем по коленной чашечке, его лицо оставалось таким же бесстрастным.

— И что же Вы испытываете, Луис?

— Раздражение. В чистом виде.

— Отчего-то мне кажется, что вы лжёте не только мне, но и себе, — вздохнул мужчина. О чём он, чёрт побери?

— Простите?

— Вы слишком закрыты, ваша поза зажата, и вы без усталости стучите носком туфли, бегаете глазами из угла в угол. Почему же вы испытываете дискомфорт? — Рука мужчины потянулась к небольшой вазочке с печеньем. Он выудил оттуда одну штуку, протянул её мне, но я покачал головой, отказываясь от угощения. Единственное желание, которое я испытывал — это встать и уйти нахрен.

— Это не было моей идеей, — выложив карты на стол, ответил я.

— Ожидаемо, — с долей усмешки заметил Гарольд. Я начинал потихоньку закипать. Либо это его ход ведения беседы, либо какая-то шутка — не важно, идея свалить в закат не оставляла меня до последнего.

— Одна знакомая посоветовала вас моей матери. — О чём я уже жалею. — Не знаю, насколько чудесны ваши методы лечения, но если я сегодня смогу поспать, то был бы весьма признателен.

— Что же до ощущения крайней нервозности? Почему вам так беспокойно?

Он издевается?

— Я же только что вам сказал. — Раздражение нарастало, я ошетинился, собирая ткань брюк на бёдрах. — Я не могу спать.

— Почему? — удивлённо, словно ребёнок, не знающий, что дважды два — четыре, спросил он. Я подскочил со своего места, желая прекратить весь этот фарс.

— Откуда мне знать? Я просто проснулся три недели назад и больше не могу уснуть! У меня уже мозг отказывается функционировать, я едва отличаю вымысел от реальности! Везде только проклятое цоканье каблуков и дикое желание убраться под....

— Цоканье каблуков? Причём здесь цоканье каблуков?

— Вы вообще меня слушаете? — зло прорычал я.

— Отчётливо, — кивнул Гарольд. — Вас раздражает цоканье каблуков? Даже собственных туфель?

Я смотрел на него во все глаза. Неужели Розалин помог этот полоумный мужик? Мысленно я сделал себе пометку сказать матери, чтобы держалась подальше от общества своей дальней подружки. Ах, да, вторую пометку — насрать на крыльце сучке Розалин — тоже не стоит забывать. Я обессилел от собственного негодования, сел обратно и потёр висок, ощущая на кончике языка привкус скепсиса.

— Меня не бесит звук собственных туфель и чьих бы то ни было туфель, сэр. Меня бесит звук, засевший в моей голове после последнего сна.

— Расскажите подробнее, — попросил он, прихлёбывая чай. Я уже устал как-то реагировать на его ответы.

— Вряд ли это внесёт какую-то ясность, но раз уж вы настаиваете... Я помню яркие глаза, эта женщина спускалась вниз, и я обратил внимание на её туфли, стук каблуков. Не знаю, чем меня это привлекло, но в тот момент я не ощущал любопытство. Мне казалось, за этим звуком скрывается угроза.

— Почему именно чувство страха овладело вами в тот момент, когда вы глядели на женские ноги? У вас есть какие-то травмирующие воспоминания, связанные с женским полом, может, матерью?

Я цокнул, отмахнувшись от его слов:

— Ну что вы такое говорите? У меня отличные отношения с моей приемной семьёй.

— О. Оу, — протянул Гарольд, задумчиво почесал короткую бороду, пропуская седые волоски через пальцы. — А что-нибудь о своей настоящей семье?

Напряжение охватило всё тело. Я сделал вдох, оказавшийся до смешного коротким. Только приближённые к семье знали, что я неродной своим названным отцу и матери. Они были...

— Что вы хотите услышать? — Я понимал, что защищался от самого страшного, что могло быть у ребёнка того возраста — незнания. — Душераздирающую историю моего детства, которая напрямую влияет на мою бессонницу?

Он, не мигая, смотрел на меня. Открыто, ожидая ответа.

— Видимо вас ждут огорчение и внезапный спойлер, док, — её нет. Нет истории.

Гарольд дёрнул бровями вверх. Мой ответ не тянул в номинации «самый оригинальный», но меня это особо и не задевало.

— Они нашли меня, одного, с пробитой головой, волочащего ноги где-то на трассе. Забавно... Никто из проезжавших мимо не думал остановиться, чтоб поинтересоваться, почему шестилетний ребенок бредёт в метель один. Они просто ехали мимо, спеша по своим делам. А я шёл по обочине куда-то вперёд. Мне кажется, если бы не большое сердце Кристи, Боб тоже проехал бы мимо.

— Кристи и Боб, как я понял, это...

— В десятку, гений, — усмехнулся я. — Для меня это единственная настоящая родня. Меня никто не искал. Никто не заявлял о пропаже. И последующие три года мне действительно казалось, что Кристи молится по ночам, чтобы меня так никто и не нашёл. Я поступил в больницу имени Шермана, если вдруг вас это ещё интересует, в медицинской карте упомянуто первое обращение, в котором говорится о черепно-мозговой травме. Если органы опеки, местная полиция и комиссия по делам несовершеннолетних и пытались что-то вытянуть из меня — это закончилось провалом. Я до сих пор ничего не могу вспомнить. Даже моё имя. Я прочёл его на пачке хлопьев с шоколадом, на ней был ещё изображён такой...

— Мультишный лев с забавной пастью, да, — кивал Гарольд. — Моя дочь отказывалась есть что-то, кроме них, когда была примерно того же возраста.

— Кристи приносила их каждый день, ругаясь с опекой, но вы же знаете женщин. Когда они чего-то хотят, откусить руку по локоть — меньшая из проблем, с которой можно столкнуться. — Я коснулся лица, скрывая робкую улыбку. — Она вцепилась в меня так, словно я был её любимым плюшевым медведем, и через пару недель забрала к себе, взяв временную опеку. Когда стало ясно, что до меня никому не было дела, она подала на усыновление, и я стал полноценным членом её семьи.

Гарольд снова постучал по обивке подлокотника, глубоко задумавшись, покачал головой и резко встал с места, направляясь к рабочему столу. Я поднял глаза к часам, висящим выше его головы — наше время почти подошло к концу, а каких-то шагов к устранению моей проблемы так и не было сделано. Зря я сюда пришёл.

— Мне становится ясна одна из причин вашего состояния, — пробормотал он, но я всё равно его услышал. О чём он? Гарольд смотрел в окно, заложив руки за спину, и, точно дитя,

раскачивался на пятках. — У меня есть несколько решений вашей проблемы, но не хотелось бы начинать вас препаратами, как индейку на День Благодарения. Метод, используемый мной в работе с пациентами, которые так же, как и вы, имеют расстройства сна или психологические травмы, часто поддаётся критике, однако, если бы меня интересовало мнение коллег, я бы бросил практику в самом начале своей карьеры и не сидел бы сейчас в этом кресле.

— Вы ходите вокруг да около, сэр? Или оттягиваете время до конца нашего часа? — я взмахнул рукой, разбавляя его речь, наскучившую уже через секунду. — Док, просто пропишите мне чёртёвы колёса, и я пойду.

— Луис, вы меня слышите или слушаете? Я только что ясно дал вам понять, что не намерен делать этого. На сколько вас хватит с ними? На сутки-двое? Лекарства часто нацелены на то, чтобы притупить симптомы, я не работаю с таким.

Он что, испытывал моё терпение?

— И? Что вы мне предлагаете? Потреться с нейрохирургом, чтоб он поковырялся в моих мозгах?

Гарольд окинул меня ленивым взглядом через плечо, как бы говоря всем своим видом: «Вы идиот?»

— Я, как вы выразились, «поковыряюсь» в ваших мозгах. Поступим так. — Он полностью развернулся, сел за стол и достал небольшой блокнот. Рука его потянулась к ручке, и он жестом пригласил меня сесть на кожаный диван. — Сегодня вы мой последний пациент, я могу задержаться и провести с вами небольшую сессию гипноза. Обозначим основные точки, рассмотрим проблему изнутри...

Чудак забавлял и раздражал попеременно, что не давало мне понять, что я чувствую сильнее. Всё это походило на цирк, где Гарольд выступал за всех одновременно, и я не мог взять в толк — нравится мне это или нет.

Он ещё раз кивнул на диван, и я с шумным вздохом поднялся на ноги, следуя его предложению. Вряд ли Купер расстроится, если мы погуляем в парке часом позже.

Но тогда я ещё не знал, к чему приведёт этот сеанс.

— Сейчас Вы скажете что-то типа «представьте себе пещеру», и я должен буду зайти в неё, чтобы встретиться с животным, являющимся моим тотемом.

— Луис.

— Да?

— Закройте рот.

— Хорошо, сэр.

Когда Гарольд прекратил счёт, веки отяжелели, и я сдался, закрыл глаза, проваливаясь вниз, куда-то в глубины своего подсознания. Очнулся я уже на старой ободранной софе в месте, которое не знал.

Холод пронизывал до костей. Я посмотрел в пол, под ноги, отмечая шероховатость потрескавшейся старой краски, где пыль кучками забивалась под выступающие пласты искореженного дерева. Вокруг меня выстроилась какая-то старая комната, в разбитых окнах, заколоченных досками, свистел ветер, и сквозняк гулял, как ему вздумается.

Я съёжился, обнимая себя руками, и огляделся по сторонам. Вокруг валялись книги, полки из шкафов были выдраны с мясом, и в камине слабо горел огонь, словно кто-то развёл его специально для меня. Я подошёл к забитым окнам — крохотные щели между досок глядели на меня в ответ — и всмотрелся, что же было снаружи этого разрушенного дома.

Где-то вдалеке проглядывались заснеженные деревья, уходящие макушками высоко в небо, снег падал и ложился сугробами, достигающими моего бедра.

Чёрт. Что это за место?

— Здесь есть кто-нибудь? — громко спросил я, разворачиваясь обратно. Казалось, это место давно мертво. Но не мог же я сам в бессознательном бреду развести огонь?

Да брось, чувак, у тебя нет даже сраных спичек.

— Док, вы здесь? — предпринял я ещё одну попытку, такую же безрезультатную. В ответ лишь завывал ветер, и я вздохнул, вынужденно смирившись со своим положением. Дерьмо.

Сделав шаг вперёд, я споткнулся и тут же ухватился за грязную обивку дивана, пытаясь удержать равновесие. Треснувший снежный шар, попавший мне под ноги, звякнул, откатившись в сторону. Я наклонился, поднял его и вгляделся в стеклянный купол. Искусственный снег взмыл вверх, тут же оседая на крышу игрушечного домика. Такие шары часто продавали в сувенирных лавках на Рождество и прочие глупые праздники, собирая сотни тысяч долларов с влюблённых, дураков и детей. Я протёр его от слоя пыли и сел на софу, устало переводя взгляд на пламя.

Старый плед свисал вниз. Конечно, я был брезглив, но с таким собачьим холодом я мог только послать это чувство в задницу, наплевать на свою чрезмерную гордость и завернуться хотя бы во что-то, что могло дать мне крохи тепла.

Я подвинулся, протягивая руки ближе к пламени, и напрягся. Может, того, что валялось в камине, было недостаточно? Оглядевшись по сторонам, я ухватился за книгу, лежащую на полу возле дивана, и швырнул её в пламя. Огонь охватил страницы, и я вновь вытянул руки вперёд, с удовольствием предвкушая тепло. Но оно не наступало. Ни через две минуты, ни через пять. Я начинал дрожать и слышал, как стучат зубы.

— Сраный кусок дерьма, когда я выберусь отсюда — задам ему трёпку, — ругался я на Гарольда. Я растирал ладони, отказываясь верить в абсурдность сложившейся ситуации.

И это его хваленый метод решения проблем? Чтоб пациент сдох не только от переутомления, но и ещё от обморожения? Я с самого начала просил его просто прописать мне блядские пилюли и отправить в закат за самые лёгкие деньги в его никчёмной жизни!

Зачем я вообще решил прислушаться к словам Кристи? Нет, конечно, она всегда желала мне всего самого наилучшего, но, видимо, в этот раз перестаралась с усердием.

Я схватил очередную книжонку и резко швырнул её в камин.

И сколько прикажете мне здесь торчать? Я же околею к чертям и перестану чувствовать пальцы на ногах примерно через сколько? Час-полтора?

Скрип позади привёл меня в чувство, и я резко обернулся назад, но там никого не оказалось. Отлично, теперь мне мерещатся чьи-то шаги.

Признай, Луис, ты потихоньку начинаешь сходить с ума и приобретать с этим местом нечто общее. Например, дерьмовый вид.

Горечью на самом кончике языка отдавал весь сегодняшний день. Я укутался в плед по самые уши, и лишь рука изредка выскальзывала наружу, подкидывая бумажные «дровишки», толку от которых как от козла молока.

— Кто бы мог подумать, что он вырастет таким нытиком, — наигранно вздохнули сзади, прицокивая.

— Мне тоже немного стыдно за то, что я вижу перед собой, — поддержал второй голос, и бледная рука, выброшенная сбоку от моего лица, протянула мне книгу. Я выхватил её без задней мысли, раздражаясь от присутствия двух незнакомых идиотов, и, когда уже был готов закинуть очередной справочник в камин, сердце моё ухнуло вниз. Тело словно забыло, как ему двигаться, и страх неизвестности захлестнул меня с такой силой, что его можно было пощупать.

Там же секунду назад никого не было.

— Конечно, мы же порождение твоей фантазии, придурок.

Что?

— Чёрт, вероятнее всего, он ещё и отсталый, раз до него сразу не доходит.

— Да кто вы та... — я подскочил, путаясь в складках пледа, и полетел вперёд, как две руки перехватили меня, спасая лицо от столкновения с раскалённой решёткой камина. Гнев захлестнул меня новой волной, и я отмахнулся, скидывая с себя их руки. И когда я развернулся, со мной встретились две пары глаз. Одна смотрела снисходительно, вторая — с явной насмешкой.

Рыжеволосый парень, выше меня на одну голову, зевнул, широко открывая пасть. Забавно, что в такую ненастную погоду не только я был одет чёрт-те во что. Он засунул руку в карман зелёного худи, второй потянулся почесать ухо. Весь его вид так и говорил, что ему быстро наскучило это представление, и он шумно плюхнулся на диван, принялся перебирать под ногами оставшиеся книги.

Второй, выглядевший моложе нас обоих, рассматривал меня в ответ. Его каштановые кудри почти лезли в карамельные глаза, а руки сминали лёгкую куртку, очевидно, не зная, чем ещё себя занять. Он обернулся к своему товарищу, и я открыл рот, не желая оставаться в неведении ни секундой больше:

— Кто вы и что здесь делаете?

— Ты не мог поумнее ничего придумать, или твой мозг способен выплёвывать только очевидное? — Смешок сорвался с тонких губ рыжего, и парень покачал головой, хватая несколько книг и укладывая их рядом. — Только неотёсанный мальчишка вроде тебя мог так наплевательски отнестись к этим книгам. Чё-ё-ёрт, Шон, тебе стоило прихватить с собой рюкзак, я не утащу столько. Да ты только посмотри...

— Вряд ли бы они поместились, Рич. Ты помнишь вообще, какого он размера?

— Ну да, согласен, бедняга. Сгодится разве что на пачку чипсов и крошечную газировку.

Что, чёрт возьми, с этими парнями не так?

— Вопрос не по адресу, старина, — тут же ответил тот, которого звали Рич.

Блядь, да я же и слова не произнёс!

— Необязательно говорить вслух. Ты что, совсем дурак? — Он задрал голову и сощурил глаза, точно лис, смотря с ехидством. — Я же уже сказал — это плод твоей фантазии. Конечно, я слышу, о чём ты думаешь.

— И о чём я думаю? Просвети меня.

Он приложил палец к нижней губе:

— Дай-ка подумать, хм... «О, в каком же я дерьме!» или «Почему я вообще притащился к Гарольду за помощью, если мог просто достать через Диего долбанные колёса и попытаться уснуть?!». Что-то около того, верно, «Луис»? — Он поднял руки вверх, сгибая указательный и средний пальцы, изображая кавычки вокруг моего имени. Воздух в мгновение ока покинул лёгкие, брови сошлись на переносице, и челюсть сжалась в напряжении.

Этот бред всё больше походит на правду. Или, может, он слышал, как я звал Гарольда, и поэтому ломает комедию, чтобы ввести меня в заблуждение? Но разве я звал его по имени?

Стоп.

Он знает моё имя?

— Ты тоже его знаешь, — подал голос Шон, впервые привлекая к себе внимание.

— Перестаньте копать в моей голове! — возмутился я, пнув софу. Шон, стоящий сбоку от меня, дёрнулся, тогда как Рич даже бровью не повёл.

— Как будто это зависит от нас, — фыркнул Рич. Он указал пальцем на меня. — Это тебе вдруг понадобилось поковыряться в своём прошлом и вытащить оттуда наши задницы, гений, так что нечего винить всех и вся.

— В своём прошлом? — вскипел я, сжимая кулаки. Серьёзно, если он сейчас же не перестанет вести себя, как полный засранец, я ударю его в эту нахальную морду! — Да я просто хотел поспать! Причём здесь бред, который вы несёте?

— Нет, ты его слышал? — обращаясь к Шону, заливался Рич. — А то, что ты шугаешься каждого звука, напоминающего тебе о Ней, ни о чём не говорит, кэп?

— Да о ком? — взревел я, хватая парня за грудки. Он выронил книги из рук, и Шон тут же бросился их поднимать. Рич ткнул меня пальцем в лоб и несколько раз постучал, вызывая во мне звериный рык.

— Давай, приятель, в этой голове должно было что-то остаться, — протянул Рич. — Вспоминай, хера тебе здесь стало нужно.

— Я набью тебе морду, Рич, и глазом не моргну, — шипел я ему в лицо.

Он захохотал в ответ, смахивая невидимые слёзы с уголков глаз. Рука Шона опустилась на моё плечо, и он легонько сжал его, с волнением заглядывая в мои глаза:

— Не надо...

— Заманчивое предложение, малыш, но боюсь, тебе это мало чем поможет, — одновременно с ним заговорил Рич. — К тому же, не думаю, что ты этому так же обрадуешься потом, как можешь обрадоваться сейчас.

— Что ты несёшь?

— Правду, правду и только правду, — простодушно ответил он.

Я перевёл взгляд с этого ублюдка на Шона и, сдавшись, оттолкнул Рича от себя. Он грохнулся обратно на софу, посмеиваясь, как ненормальный.

— Хоть убей, в толк не возьму, как ты мог забыть Её. Она перевернула не одну жизнь с ног на голову. Если бы за такое воздвигали монумент — Её бы оказался выше остальных, серьёзно тебе говорю, — без конца трещал тот.

Я вздохнул, опускаясь на пол. Весь этот бессмысленный разговор шёл по кругу, а ответов, о которых он так упоённо говорил, я так и не получил. Вся эта ситуация только сводила меня с ума.

Сколько уже времени прошло? Почему эта сессия до сих пор не окончилась?

Я поёжился и посмотрел на кучерявого парнишку, который с тоской поглядывал то на меня, то на Рича. Он, в отличии от его друга, казался мне более подавленным, и я решил попытать удачу хотя бы с ним:

— Тебя зовут Шон, верно?

— Это работает не так, мистер Гений, — тут же вмешался Рич. — Он не ответит на вопросы, на которые ты и сам не знаешь ответов. Неужели не ясно? Оглядиись вокруг! Почему это место тебе ничего не напоминает?

Левая бровь дёрнулась, медленно изгибаясь в немом вопросе. И что я должен понять, находясь в разваленной лачуге на краю пропасти между сознательным и бессознательным?

— Ты можешь сколько угодно ругаться и провоцировать меня, но я ничего не помню. Ах да, ты же и так знаешь об этом.

Рич раздражённо выдохнул и схватил стеклянный шар, тут же протягивая его мне:

— Совсем ничего? Ты уверен?

Я посмотрел на его протянутую руку, на то, как искусственный снег снова падал вниз, и покачал головой. Рич схватил меня за предплечье, всучил шар мне в руку и откинулся назад, постукивая каблуком ботинка.

Методичный звук давил на уши. Он продолжал стучать, будто специально хотел вывести меня из себя этим нескончаемым звуком.

Снег скользил по стеклянным стенкам. За окном засыпало так же, как в этом шаре, как если бы дом, заточённый внутри этой хрупкой конструкции, был тем самым домом, где расположились мы. Я сделал глубокий вдох, чувствуя, как всё моё тело напряглось до предела.

Рядом послышался чей-то тонкий смех, и я повернул голову, посмотрев на Шона, однако он молчал, поджав тонкие губы.

Всё повторилось вновь. Стук, мои больные мысли о сравнении шара и ситуации, заложником которой я стал, детский смех, снова стук. Стук. Стук.

— Я больше не могу это терпеть. — Я подорвался на ноги и помчался искать выход.

— Нет! Они услышат нас! — вскрикнул Шон позади меня, и Рич тут же рассмеялся.

— Да пусть пройдёт, раз не понимает, что мы — меньшее из зол.

Пошёл ты.

Я рванул вперёд, выбегая в коридор, где, по идее, должен был быть выход, и тут же врезался в забитую досками дверь.

Да какого чёрта?

Пальцы впились в дерево, и я резко дернул её на себя, глупо надеясь, что моих сил хватит оторвать долбанный кусок доски, но всё было тщетно. Я ударил ногой в дверь, и она отозвалась глухим стуком.

— Как вы сюда попали? — заорал я непрошеным гостям и услышал в ответ тишину.

Темнота настигла меня так некстати, коридор объяла дымка тумана, и я развернулся спиной к двери, посмотрел далеко вперёд, где по обеим сторонам коридора виднелись забитые двери, а в конце поднималась лестница на второй этаж. Я сделал шаг вперёд и, не увидев открытой двери, через которую выбегал, побежал вперёд.

Где она? Я же только что вышел и повернул направо!

Я ударил кулаком по забитым доскам, за которыми скрывалась дверь в комнату с этими двумя. Стук каблука Рича раздавался всё громче и громче.

— Это не смешно, откройте чёртову дверь, придурки! — зарычал я, продолжая колотить.

Смех Рича, ехидный и гадкий, раздался внутри.

— Я снесу её и оторву тебе голову, сукин сын!

Злость вновь переполняла меня до краев, кровь ударила в голову, и я перестал замечать что-либо вокруг себя, и единственными чувствами, помимо злости, вдруг оказались жидкий страх и одиночество.

— Луис... — голос Гарольда неожиданно раздался справа от меня, и я от испуга врезался в дверь. Рядом со мной никого не оказалось, и я встряхнул головой, хмуро уставившись на преграду перед собой.

— Где здесь выход? — предпринял я ещё одну попытку, потирая ушибленный лоб ладонью. — Почему все двери заколочены намертво? Я только что отсюда вышел, чёрт побери, и её не было!

— Не надо... — тихо прошептал Шон с той стороны. — Она же услышит тебя... Прячься...

Я приложил ухо, едва различая его лепетания.

— О чём ты говоришь, Шон? Кто «Она»?

Я отскочил, как ошпаренный, когда сильный удар с той стороны сотряс дверь.

— Открой дверь, Шон, — потребовал я, ударив в ответ.

— Нет-нет-нет... — будто в бреду шептал он. Смех Рича перебивал его мантру, и я колодил без устали.

— Открой эту чёртову дверь сейчас же! Богом клянусь, я сравняю вас обоих с землёй, если вы мне сейчас же не объясните, какого хрена здесь творится!

— У тебя не получится сделать этого, малыш, как бы тебе того ни хотелось, — ответил мне Рич, хохоча во всю глотку. Стук его каблуков уже не казался самым громким звуком в этой сумасшедшей лачуге.

— Шон! — в отчаянии взывал я к нему. Позади меня вновь раздался стук, и я обернулся в сторону лестницы. Звук раздался громче, и я обомлел, застыв от страха.

Это был он.

Как во сне.

Как звон туфель, сопровождающий каждый Её шаг. Я сглотнул, впервые холодный пот прошиб меня, и я вновь без устали заколотил в дверь.

— Рич? Рич, я прошу тебя, давай нормально поговорим и решим проблему! Открой дверь!

Острый каблук коснулся первой ступени, и этот режущий звук стрелой прошёлся сквозь моё тело.

Во рту у меня пересохло.

— Она здесь... — в ужасе просипел Шон, и быстрые шаги за закрытой дверью стали отдаляться.

Тот страх, что я ощутил во сне, вдруг обернулся для меня явью, и я впервые услышал голос Той, которую боялся не только Шон, но и я сам:

— **Где ты прятешься, дрянной мальчишка? — ядовито протянула Она. — Выходи...**

Я обливался холодным потом, слушая приближение Её шагов.

Эти слова.

Эти слова я уже где-то слышал.

Из комнаты, где находились Шон и Рич, слышались частые звуки, будто бежали маленькие, крошечные ножки. Я стучал и стучал в нелепой надежде, что они отворят мне дверь и мы вместе скроемся от того, что ввергло нас в ужас. Казалось, только Рич не поддавался панике, время от времени хохоча.

Я сходил с ума.

Её лакированные чёрные туфли на высоком каблуке показались перед моими обезумевшими глазами. Тонкая бледная рука опустилась на перила.

Весь мой сон, три недели назад лишивший меня покоя, сейчас становился реалистичен настолько, что мне казалось — ещё немного, ещё чуть-чуть, — и приступ паники накроет меня, лишая кислорода.

Чёрт, я даже не дышал.

— Луис, дышите, — донёсся до меня голос Гарольда. Я приложил руку к груди, ощущая, как сердце колотится под подушечками пальцев. Ладонью сгрёб рубашку в ком, оттягивая от себя.

— Д-док? — судорожно оглядываясь по сторонам, вымолвил я.

Мне не хватало воздуха. А Она уже явила моему взору свои тонкие ноги-спички.

— **Детка, давай почитаем... Ты же любишь, когда тебе читают? — приторно-сладко пропел голос.**

Я ещё раз огляделся по сторонам в поисках хоть чего-нибудь, чтобы защитить себя.

От неё несло ужасом. Чем больше становилось видно её тело, тем быстрее подкашивались мои ноги. Блядь, я уже взрослый мужик, так почему страх пронзает меня настолько остро, что я не могу дышать?

— Луис, вы сл... меня? Луис!

Вытащите меня. Вытащите меня. Вытащите меня.

— Беги... Беги отсюда... — Шон скрёбся ногтями с другой стороны двери.

— Открой мне дверь, прошу... — взмолился я, припадая лбом к дереву.

Шум по ту сторону стал громче, и парень завизжал, сорвавшись на крик. Меня отшвырнуло назад, и я в панике разбежался, всем телом наваливаясь на заколоченную дверь.

— Что происходит?!

Его истеричный крик не прерывался, он визжал, точно свинья, которая чувствовала, что её забьют прямо сейчас. Рич засмеялся. Её ключицы скрывались за тёмными прядями. Мне показались полные губы, обмалёванные темной помадой.

— Не подходи ко мне! — прорычал я, загнанный в угол.

Уголки её губ дрогнули в усмешке. Точёный прямой нос и, наконец, эти чёртовы зеленые глаза, вселяющие ужас, окинули меня так же насмешливо, как это часом ранее делал Рич, расслабленно стоя напротив софы.

— Беги отсюда! Прячь... — в последний раз завопил Шон, и голос его оборвался за громким грохотом неизвестно чего.

Я отступил назад, спотыкаясь обо что-то, и полетел на пятую точку. Её туфля коснулась пола, и я зажмурил глаза, накрывая голову руками. Гнетущая атмосфера давила на меня со всех сторон — я затрясся, как ребёнок, которого накажут ремнём, и впервые за всё время из моего рта вырвался хрип, предвещающий жалкие для человека моего возраста рыдания.

Кажется, моё сердце остановилось...

— Луис... — откуда-то сверху донёсся до меня тихий голос Гарольда — Луис, прошу вас, откройте глаза, всё хорошо.

Я дрожал, мотая головой и заывая, как вдруг тёплая ладонь психиатра коснулась моего плеча и я вскочил, врезавшись коленом в журнальный столик, стоящий перед кожаным диваном. Глаза мои распахнулись, и я схватился за первый попавшийся предмет, оказавшийся вазочкой с печеньем. Пальцы запутались в пушистом ворсе небольшого ковра, я тяжело дышал, в безумном смятении смотря в глаза тому, кому позволил погрузить меня в суший кошмар.

Психотерапевт протянул мне стакан воды, и я резко отмахнулся от него, всё ещё чувствуя, как дрожат колени. Вода пролилась мимо, и Гарольд поставил стакан на край столика. Рот стягивало от сухости, но я скорее хлебну яда, чем приму ещё хоть что-то из рук этого гнусного докторишки!

Я не мог успокоиться ещё честных минут пятнадцать, прежде чем поднялся на ноги, срывая пиджак со спинки кресла.

— Вы готовы продолжить? — осторожно спросил Гарольд. Он сел на рабочее место, складывая руки в замок на небольшом животе, и устроился поудобнее, прильнув спиной к выкрашенной коже кресла.

Ха, он вздумал ещё шутить со мной!

— Я весьма признателен вам за то, что успел несколько раз пожалеть о своём прибытии и ощутить на себе все признаки наступающего инфаркта.

Истерический смех вырвался наружу. Дрожащей рукой я зачесал волосы назад и оттянул галстук, решаясь на глубокий вдох. Кислород наполнил лёгкие, и я коснулся век пальцами, устало потирая глаза.

Мало того, что я не мог спать до этого, — теперь, после всего пережитого, это казалось мне просто невозможным.

— Счастливо оставаться, док, — махнул я ему на прощание рукой и схватился за холодную ручку двери.

— Прошу вас, Луис, — тут же окликнул меня психиатр. Я замер, всматриваясь в дверь. — Вы не могли бы ответить на мой последний вопрос?

— Последний вопрос? — глухо переспросил я.

— Уверяю, что после этого оставлю все попытки вас задержать.

Ха! Какой любезный!

— Валяйте, чего уж там...

— Как «Её» звали, мистер Болдон?

Я сжал ручку сильнее, и мне показалось, что она треснула. Я толкнул дверь, распахивая путь к долгожданному выходу, который искал весь чёртов день.

— Как «Её»... — как заведённый попугай, повторил Гарольд, но я прервал его, подняв в воздух руку. Мне не нужно было оборачиваться, заглядывать ему в глаза, чтобы сказать это.

— Анже.

Дверь за мной с грохотом захлопнулась, и я впервые осознанно сделал то, чего раньше не понимал, — сбежал от своего прошлого.

Глава 2

Вы знаете, что такое стыд?

Ссылаясь на разные источники, стыд можно охарактеризовать как чувство неловкости, а также ощущение крайнего морального дискомфорта. Тебе попросту становится не по себе от совершённых действий или произнесённых слов.

Ощущал ли я его в то мгновение, в тот час, когда вытряхивал сумочку своей подружки в засранном мотеле, пока она приходила в себя после быстрого и крайне агрессивного секса за тонкой стенкой, разделяющей крошечный туалет и спальню?

Конечно. Конечно, нет.

И где этот блядский ксанакс?

Прошло четыре дня.

Четыре дерьмовых дня без сна после родео, которое мне устроил этот сукин сын. И как буйствующие от гормонов мамочки после рождения малыша, я тоже скоро куплю долбанный тортик в кондитерской «Мадам Сиси», чтобы задуть свечку на первый месяц моей бессонницы.

Я был уставшим.

Взвинченным.

И чертовски злым.

Сумочка выскользнула из дрожащих рук, дешёвая цепочка звякнула, бесчисленные побрякушки вывалились наружу, и я выругался вслух, проклиная Гарольда, бездонные кармашки псевдокожаного изделия и весь этот чёртов мир.

Ненавижу. Ненавижу. Ненавижу!

— У тебя там всё в порядке? Я услышала какой-то шум. — Из-за двери донёсся сладкий голос Нереи. Когда-то она жила через два дома, и наши матери часто зависали в гостях друг у друга, прихватывая нас с собой больше из беспокойства за имущество, чем за детей. Нереа казалась мне милой куколкой, пока не выросла в заядлую оторву. И как уже можно было догадаться — алкоголь и колёса приходились ей верными друзьями, любимыми аксессуарами в сумочке чуть больше моей ладони, содержимое которой я бросился собирать, падая на колени.

— Всё отлично, детка, — крикнул я. — Как там Рейчел?

— Ты же её знаешь — стремится доказать себе, что ещё не сошла с дорожки и задаёт жару отцу.

— Бедняжка Роб.

— И правда.

Да где же он?

Я вытряс содержимое на пол, и матрас белых столбиков в два миллиграмма посмотрел на меня в ответ.

Бинго.

Господь, храни зависимость этой девчонки во веки веков. Аминь.

Короткие щелчки вскрываемой упаковки наполнили узкое помещение. Я отставил таблетки на край треснувшей раковины как раз в тот момент, когда кулачок Нереа несколько раз постучал в дверь. Я схватил её вещи, наспех засовывая обратно.

— Луис? Ты торчишь там уже пятнадцать минут. — Голос её звучал беспокойно. Готов представить, как она будет истерить, когда увидит, чем я тут занимаюсь. — Я могу войти?

— Секунду!

Я щёлкнул замком на сумочке Нереа, закидывая её на небольшую тумбочку, где лежали полотенца, и резко развернулся к раковине, дёргая за ручку смесителя как раз в тот момент,

когда открылась дверь. Натянув самое бесстрастное выражение лица, я медленно повернулся лицом к Нереа, делая вид, что всё ещё мою руки.

— Тебе нужно воспользоваться уборной? Я уже закончил, — сорвав с крючка полотенце для рук, сказал я.

Она удивлённо уставилась на меня большими голубыми глазами, будто видела в первый раз. Наспех смахнув воду, я бросил полотенце в раковину, и дребезжащий звук провалившихся в слив таблеток привлёк внимание обоих.

Ком, подобно рыбьей кости, встал поперёк горла.

Пожалуйста, только не это!

— Что это было? — тут же спросила Нереа. Я вскинул бровь, борясь с желанием броситься назад и засунуть руку по локоть в слив, но было поздно — два булькнувших отголоска дали мне понять, чтобы я катился к чёрту.

— Не знаю, здесь всё как на соплях, — правдоподобно пожал плечами я.

Мои ноги отказывались покидать эту комнату. Мой разум орал, чтобы я оттолкнул Нерею (или вырубил) и сбежал восвояси с её сумочкой.

— Луис? Ты не мог бы... — Замявшись, она отвела глаза, и румянец смущения прилил к её щекам.

Я остался по ту сторону, слыша журчание, и короткие ногти впились в кожу, оставляя полумесяцы на внутренней стороне ладоней. Ухмыляющееся лицо моего экс-психиатра встало перед глазами. Оно явилось мне и в первый день после случившегося, когда я мялся в какой-то аптеке, где можно было без рецепта достать ксанакс. Я стоял среди небольшой толпы торчков, придурков, пронятых дрожью от зависимости к медикаментам, притопывая ногой. За стеклянной перегородкой на меня то и дело взирал фармацевт, и я увидел в его лице тень Гарольда, с издёвкой поглядывающего в ответ. Я так и слышал в своей голове: «Вы так никчёмны, Луис».

Ксанакс закончился. А я выходил из себя, шаг за шагом оказываясь всё ближе к нервному срыву. Тогда-то до меня и снизошла Нереа, вернувшаяся в родительский дом на уикенд, и я подумал, что всё же небо ко мне благосклонно.

А что мы имеем на практике?

Я ещё на шаг дальше от заветной подушки с одеялом.

Быстро собравшись, я хлопнул дверью, дав понять девушке, что наша маленькая встреча окончена. Она точно наберёт меня и обложит матом, порвав последние отношения, которые были между нами. Да и плевать.

Если мне суждено впасть в кому от переутомления, свалиться в середине дня с рабочего места и пускать слюни — пусть так. Я уже на что угодно согласен, лишь бы не пересекать кабинет чудо-специалиста, о котором мне так профессионально ссали в уши.

— Купер, рядом! — Я дёрнул за поводок, привлекая внимание пса.

Он радостно залаял, активно махая хвостом, и рванул вперёд, игнорируя приказ. Поводок выскользнул из моей руки, и Купер умчался вперёд, скрываясь за кустами.

Феерично, Луис. Просто, мать его, бесподобно.

— Купер, ко мне!

Где-то вдалеке раздался его ответный лай. Я вздохнул, устало провёл рукой по лицу, отказываясь верить в то, что со мной происходило. Электронные часы показывали за полночь. Через шесть часов я должен был подняться на пробежку, привести себя в порядок и отправиться на работу, но сил хватало разве что на то, чтобы засунуть щётку в рот.

Я не могу ещё и пса искать целую ночь.

— Купер! Давай, мальчик, ко мне!

Я огляделся по сторонам, но редкие фонари не освещали парк целиком, и я шурил глаза, пытаюсь отследить в темноте хоть какое-то движение. Вокруг воцарилась тишина.

— Ты нарываешься на кастрацию, старина! И в этот раз без шуток!

Ага, как же, так он и рванул обратно. Супер.

Я нехотя поплёлся в том направлении, куда усакал пёс, выбираясь на велосипедную дорожку. Луна поднялась достаточно высоко, облака порой закрывали её, и мне приходилось двигаться на ощупь. Я попытался включить фонарик на телефоне, но мигающая полоска заряда оповестила, что батареи хватит в лучшем случае на щедрые две-три минуты.

— Купер!

Может, это злой рок? Может, я испытывал судьбу слишком долго, жил припеваючи, а она решила напомнить, что ничего в жизни не должно доставаться даром? Долгое время я не знал забот, купаясь в родительской любви Кристи и Боба: ходил в хорошую школу, мне дали прекрасные рекомендации для поступления в престижный универ, получил красный диплом и устроился на высокооплачиваемую работу. У всего же есть конец? Может, мой решил подобраться ко мне подобным образом и показать, что я недостаточно ценил то, что имел?

Пёс не выдавал своего местонахождения, и это наталкивало на мысль, что что-то могло произойти. За выходом из парка его могли поджидать проносящиеся мимо машины, прикурки-подростки, да что угодно! Треск веток позади заставил тут же обернуться.

— Старина?..

Рядом никого не было. Я прошёл ещё несколько метров вперёд, оглядываясь по сторонам, и чей-то шаг вновь отозвался хрустом сухих ветвей.

Это моя паранойя. Здесь никого нет. В конце концов, я мужчина, и вряд ли какому-то извращенцу придёт в голову напасть на меня. Но единственное, что могло меня как-то обнадёжить, — мои быстрые ноги.

Детский смех намертво пригвоздил эти самые ноги на место. Я сглотнул, разворачиваясь в пол-оборота.

Тихо-тихо. Уже полночь, здесь не может бродить ребёнок.

Это точно чья-то злая шутка.

— *Как будто это зависит от нас...* — знакомый голос эхом раздался вдалеке.

Если сердце и могло подняться к глотке — оно уже стояло там, заставляя глаза прослезиться от беспомощности проглотить его обратно. Позади хрустели и трескались опавшие ветви. И я уже не стоял, как вкопанный, мои дрожащие от страха ноги несли меня далеко вперёд. Оступившись, я выставил руки вперёд и, коснувшись асфальта ладонями, оттолкнулся, продолжая бежать.

— Купер, ко мне, мальчик! Купер!

— *Как будто это зависит от нас...*

Детский смех за спиной сменился другим знакомым смехом. Её смехом.

Лай пса вдалеке.

Треск ветвей.

Порывы ветра.

Клокочущее сердце в глотке.

Я был готов либо потерять сознание, либо схлопотать сердечный приступ. И второе пока лидировало.

— *Мальчиш-ш-ш-шка...*

Я бежал. И бежал. И бежал.

Это галлюцинации.

Выдумка моей больной головы.

В мозг не поступает необходимое количество кислорода, и он даёт сбой, намекая на то, что сон должен быть в приоритете, но всё катится в тартарары.

Купер выскочил неожиданно, набрасываясь на меня и сбивая с ног. Я упал на спину, ударяясь головой о мелкие камешки, и зашипел от боли. Язык пса оставил мокрую склизкую дорожку на щеке. Я отодвинул его морду в сторону, но пёс не унимался, радостно лая над ухом. Рука нашла поводок, и я вцепился в него мёртвой хваткой, на этот раз не поддаваясь его игривому настроению.

Хриплый вздох вырвался из моего рта. Голоса исчезли так же неожиданно, как и появились. Я вскочил на ноги, потрепал питомца по голове, и дёрнул поводок на себя.

— Пошли, приятель. Думаю, с нас достаточно ночных приключений на сегодня.

Парк остался позади, но моё застывшее сердце, как и бесконечный поток вопросов, остались в самом его центре.

Вы можете припомнить тот момент, когда я сказал, что никогда не вернусь к этому психопату? Осторожно... Не спешите. Вспоминаете? Так вот.

Забудьте его.

Призраки прошлого преследовали меня всюду.

В доме, когда я оставлял дверь в спальню открытой, кто-то скрёб по ней ногтями, и Купер вскакивал с кровати, давая понять, что это не он.

В очереди за кофе кто-то шептал моё имя надломленным голосом.

Страх остаться в замкнутом пространстве овладевал мной, и я больше не мог пользоваться лифтом, предпочитая бежать вверх по лестнице. Семь этажей вверх и вниз изнуряли меня, и к концу следующей недели моё моральное состояние вслед за физическим оказалось ниже плинтуса. Я довёл себя до предела и больше не мог отрицать, что галлюцинации стали частью моей обыденной жизни.

Рич ходил за мной по пятам, высмеивая любое действие. Он шутил, стоя за спиной моего менеджера по продажам. Тыкал в планшет, когда я ошибался с выстраиванием задач, громко смеялся, и его противный смех въедался в подкорку. Его призрачный след довёл меня до того, что я орал на подчинённых, и те шептались за обедом, что их босс сходит с ума.

Так не могло больше продолжаться.

— Я слышала, как он разговаривает сам с собой, а когда постучала в его кабинет, чтобы передать бумаги из бухгалтерии, он велел мне заткнуться, хотя я ничего не успела сказать! — восклицала секретарша, активно жестикулируя. Я стоял за углом, прячась, как преступник, и грел уши. Неподалёку от неё стоял Сойер, высокий брюнет с короткой стрижкой и серыми глазами. Он крутил в руках чайную ложку, коротко кивая, и ждал, пока автомат пропищит, чтобы забрать свой эспрессо.

— Вчера я застал его за тем, что он бился головой об стол и повторял «исчезни-исчезни-исчезни», как умалишённый. Может, наш новый проект по реставрации и выглядит тяжким, но не уверен, что его поведение обусловлено именно этим.

Как бы я хотел вылететь к ним и убедить в абсурдности их предположений, но, к сожалению, всё выглядело именно так. Они перекинулись ещё парой фраз перед тем, как приступить к обеду, и я выскользнул, унося ноги подальше от своих ребят.

К вечеру золотистая табличка била мне в лицо надписью «Г. Н. Перри». Эти буквы смеялись надо мной. Стыдили за то, что со своего единственного визита я вёл себя, как психованный ублюдок, находящийся на грани истерики. И вот сейчас я мог с уверенностью сказать, что она наконец захватила меня по полной. Секретарша Гарольда Найта Перри, Клариса Хьюз, прочистила горло, покашливая больше для вида, так как я преграждал ей проход своим широким телом. Её рыжие волосы толстой косой лежали на одном плече, карие глаза метали мол-

нии, и она постоянно прикусывала губы в нетерпении, тут же выпрямляясь по струне от одного моего взгляда, брошенного на неё сверху вниз.

— Мистер Болдон, ваше время уже идёт, — наверное, раз в четвёртый, напомнила мне она. — Доктор Перри уточнял, не задерживаетесь ли вы, но вы подпираете дверь его кабинета больше получаса, а мне необходимо отнести жасминовый чай, и я была бы очень признательна, если бы вы вошли внутрь и не вынуждали меня врать.

Сейчас я войду, и он рассмеётся мне прямо в лицо, не иначе.

— Мистер Болдон, сэр, — терпеливо повторила Клариса.

Или скажет что-то подстёгивающее, окончательно взрывая дамбу словарного поноса, который я сдерживал всю неделю.

Миниатюрная девушка попыталась отпихнуть меня, придерживая поднос одной рукой, и я накрыл её ладонь, опуская ручку вниз.

— Мне жаль, — прошептал я ей, когда дверь распахнулась и она смогла пройти внутрь.

Цоканье её каблучков меня совершенно не беспокоило. В прошлый мой визит на ней были обычные балетки. Значило ли это, что Гарольд специально заставил её надеть острые шпильки, чтобы проверить мою реакцию?

— Я очень рад, что вы вновь решили обратиться ко мне, — вместо приветствия сказал он. Я аккуратно соскользнул в то же кресло, в котором сидел в прошлый раз, и Гарольд покачал головой, кивая на диван.

Я снова пришёл за таблетками. А он снова хотел терроризировать мои мозги. Вымученный стон сорвался с моих губ. Клариса вышла, оставив нас один на один, и я, точно приговорённый к казни, опустился на диван, неловко перебирая пальцы.

Сегодня на нём красовался классический чёрный пиджак, белоснежная рубашка и свободные брюки. Он расстегнул верхнюю пуговицу, вытащил тот же блокнот из ящика и проследовал к креслу, стоящему около меня.

Я ждал, когда же он начнёт глумиться надо мной, припоминать выходки, выброшенные мною в прошлый раз, но ничего из этого не происходило. Он пролистал несколько исписанных страниц, пробежался быстро по последним, и взор его светлых глаз переключался ко мне, вызвав лёгкие мурашки на затылке. Я боялся дышать.

— Значит, вы вспомнили «Анже», — начал он, поворачивая блокнот ко мне. Её имя было обведено в овал и подчёркнуто несколько раз. Записи на нём не обрывались, он расписал несколько вопросов более мелким почерком.

— Верно...

— Когда я вводил вас в состояние гипноза, изначально эмоциональный фон был вполне стабилен, вы могли контактировать со мной и отвечать на вопросы, но, когда я спросил вас, есть ли что-то, что причиняет вам неудобство, ваше поведение...

— Отвечал? — переспросил я, совершенно не помня о том, что мог слышать какие-то точные формулировки или вопросы. Всё, что я помнил о Гарольде, — изредка звучащий голос, который звал меня по имени, но не более того.

— О, это нормально, что вы можете не помнить об этом, — тут же объяснил мужчина. — Исходя из нашего разговора, я точно знаю, что в... гостиной? В общем, в месте, в котором вы изначально находились, были и другие люди. Вы перечислили имена: Рич, Шон, чуть позже назвали и третье — Анже. Вы можете объяснить, кто именно были эти люди? Встречали ли вы кого-то в повседневной жизни, чтобы связать образы этих людей с другими?

— Нет, док, я впервые видел этих людей. Я мог бы забыть такого молчуна, как Шон, но встретиться мне Рич в реальном мире — мы бы схлестнулись до чьей-то разбитой рожи. — Я напрягся, вспоминая этот нервирующий кадр.

— Так что произошло?

— Я повторяю это уже в который раз, сэ. — Я зачесал волосы назад, чувствуя тревогу, возникающую каждый раз, когда я думаю о своих новых вымышленных друзьях. — Я не могу спать, с прошлой недели бессонница усугубилась. Теперь я в самом деле думаю, что схожу с ума. После того сеанса их голоса накрепко засели в моей голове. Когда я прогуливаюсь вечерами с псом, мне кажется, что меня кто-то преследует, хотя мы совершенно одни. Пожалуйста, прошу... — я взмолился, опуская свои руки вдоль тела. — Пропишите мне лекарства, я уже не отличаю вымысел от реальности. Вы же понимаете, что это ненормально.

— Давайте ещё раз попытаемся вернуться в место, где вы...

Я шумно выдохнул и поднял указательный палец, прося его помолчать:

— Я не отдаю отчёта собственным действиям, док. Моя работоспособность снизилась в разы, я кричу на сотрудников, от недосыпа у меня трясутся руки, и я не могу находиться даже в чёртовой душевой дольше трёх минут, потому что меня постоянно преследует чувство, словно туда вот-вот ворвутся!

Гарольд кивал головой, как долбанная деревянная девчонка, танцующая хула на приборной панели моей крошки.

И я был полным придурком, наивно полагавшим, что у этого человека, так часто сравниваемого с моим отцом, есть совесть.

Я облажался в своей наивности, и он настиг меня во второй раз, оставив обезоруженным перед чистым страхом моего прошлого.

Разбросанные книги. Огонь, разведённый в камине, но не согревающий даже кончиков пальцев. Ободранная софа. Пыль, грязь, холод, снегопад за забитыми окнами.

Всё это мне уже знакомо. За неделю здесь изменилось только одно — прошлые гости бесследно испарились. Звуки, вводящие в ужас, исчезли, пропали голоса. Шон не царапал дверей, приевшийся гогот Рича больше не тревожил, а Она... Она забрала с собой этих двоих, оставив меня вынюхивать что-то новое. Голос Гарольда порой возникал извне, направляя меня по старому зданию. Я быстро пересёк расстояние от комнаты, в которой находился, до второго этажа. Признаться, пару раз я всё же обернулся, чтобы убедиться, заколочена ли дверь, но всё оставалось на своих местах.

Неужели я всё это выдумал?

Наверху, где я смог попасть лишь в одну комнату, не нашлось ничего интересного. Старая кровать давно сгнила, и только каркас да ржавые пружины ещё более ли менее держали оставшуюся конструкцию. Я присел на край, как вдруг она звякнула подо мной, и я тут же подскочил, не желая испытывать удачу.

— Что вы хотите от меня, док? — вслух спросил его я. Он не спешил с ответом, и почему-то мне казалось, что я знал его. Гарольд точно хотел, чтоб я выполз из этой норы.

Чёрт, здесь так холодно, что мои яйца точно съёжились, едва ли не спрятавшись где-то внутри моего тела. Я бы не удивился. Взглянув по привычке в щель меж забитых досок, я устремил взгляд куда-то в широко раскинувшийся лес.

Почему этот дом стоял одиночкой в такой глуши? Если здесь кто-то и жил, то как выживал? Была ли у него связь с внешним миром? Я поёжился, обнял себя за плечи и, почувствовав подступающую зевоту, раскрыл рот, глотая кислород. Кстати...

Если состояние гипноза — это некий транс, то есть ли вероятность заснуть хотя бы здесь? Я бы отблагодарил его несколькими сотнями сверху.

Хохотнув от хода своих мыслей, я спустился вниз, слёрнул старый плед, забившийся между сиденьем и спинкой софы, и укрылся с головой. Конечно, полагаться на тепло достаточно наивно, но чем чёрт не шутит... Сдохнуть от метели тоже так себе перспектива.

Взгляд мой столкнулся с дверью, когда я вышел обратно в коридор. Я начинал верить в то, что мой разум играет со мной в какую-то странную игру. Дверь оказалась незапертой. Ни тебе досок, ни следов от вколотенных гвоздей.

Я подошёл и распахнул её. Лицо обдало колючим холодом. На ногах у меня красовались кожаные туфли, совершенно не подходящие для такой погоды. В следующий раз приеду в сраном горнолыжном костюме, и плевать, что в реальности температура переваливала за тридцать.

— Самое время подать какой-то знак! — прокричал я, надеясь, что до Перри дойдёт, и он наконец раскроет свой рот. — Если я выйду наружу и замёрзну там насмерть — вы станете вторым человеком, лишившимся сна до конца ваших дней, сэр!

Прислушавшись, я ничего не уловил. Значит, либо я ему отвечаю и вновь ничего не вспомню, либо его на самом деле здесь больше нет. Я совершенно один. Снова.

Ну, хорошо. Будь что будет.

Первый шаг за порог обветшало́го дома не вызвал у меня никакого волнения. Напротив — стало на удивление легко. Я продвинулся немного вперёд, чувствуя в груди нарастающее тепло. Что это?

Может, всё дело в доме? С первого появления в нём мною двигали страх и неприязнь, каждый закуток отдавал пресностью, негодованием и вызывал во мне отторжение. Обернувшись к дому, я разинул рот, не веря своим глазам.

Какого?!...

Чистая поляна, укрытая белоснежным покрывалом, вдруг надвинувшийся лес и ничего, что бы намекало на то, что здесь только что стояло сооружение в два этажа.

Где он, чёрт побери? Он же только что здесь стоял!

— Эй, ты меня слышишь вообще? — заорал я что есть мочи. — Его нет! Дома нет! Ты слышишь меня? Я ведь и правда сейчас нахрен здесь околею! Сука, Гарольд! Вытащи меня из этого паршивого места!

Холодок пробежал по спине, я чувствовал, как немеют пальцы ног. Что за восторг!

Не иначе как очередные фокусы этого шарлатана. И зачем я припёрся к нему во второй раз? Нужно было просто подождать, пока Диего достанет колёса, или, на худой конец, вырвать сумочку из рук Нерей, когда она топала домой!

— П-простите, дядя...

Я ведь мог зайти к ней в гости, не вызывая подозрений у Рейчел и Роба! Почему это не пришло мне в голову раньше?!

Блядь, сколько я здесь уже торчу? Час? Два? Сейчас вечер понедельника, к утру я должен быть на работе, а не выскребать снег из туфель, прочёсывая округу в поисках невесты чего! Почему это не остановило меня перед тем, как отправиться к охренительно уважаемому мистеру Перри, так вовремя подsunутому мне на тарелке с гнильём?

— Из... И-Извините, пожалуйста... — вновь раздался тонкий голос неподалёку. Я резко обернулся, зло плюясь слюной:

— Да чего тебе нужно, Господи Боже?!

Маленький человечек в свёртке из пуховика отступил на шаг, тут же спотыкаясь о собственные ноги и падая на спину.

Я остолбенел буквально на мгновение, не веря своим глазам, пока он не зашевелился, в испуге пятясь назад. Нас разделяло несколько метров, и я спешно зашагал к нему, стоило только мальчишке подняться на ноги, чтобы дать от меня дёру.

Тысячи вопросов всплыли в моей голове, но я был готов поклясться: не поймай я его сейчас, — задавать их уже будет некому.

— Простите! П-Простите, я н-не хотел! — объяснялся он, звонко вереща. Его маленькие ножки утопали в снегу, замедляя шаг, и я протянул руку, хватаясь за капюшон. Он вскрикнул,

подскальзываясь и сбивая меня с ног. Мы свалились в кучу, как кегли, и я тяжело задышал, прижимая ребёнка одной рукой к груди.

Снег под ладонью острыми лезвиями лизал мне кожу. Облачка пара выскальзывали изо рта, растворяясь где-то над головой.

Он зашевелился, отрывая лицо от моей груди, и большие карамельные глаза уставились на меня в ужасе.

С него всё и началось.

Глава 3

Шапка кобальтового цвета лезла ему в глаза. Он стряхивал со своей крошечной одежды прилипший снег и с опаской поглядывал на меня, ожидая наступления каждую секунду.

Стыдно признать, что эта шуганная кнопка — моё единственное спасение. Я поднял руки в безоружном жесте, надеясь на понимание.

Успокойся.

Я не причиню тебе вреда.

Просто я был так же обескуражен, как и ты.

Мальчишка поправил шапку, немного оттягивая её назад, и его рыжеватые кудряшки вылезли наружу. Он всё ещё не оставлял попыток отступить, то и дело пятился. Я понимал, что чем дольше я оттягиваю свои оправдания, тем ничтожнее шанс, что он доверится мне.

— Ты тоже меня напугал, — сказал я ему. Ребёнок полез покрасневшими ручками в карманы куртки, и его обиженный взгляд припёр меня к вымышленной стенке совести. Он оглядел мои лохмотья, а после выпятил нижнюю губу вперёд, продолжая копошиться в карманах. — Я потерялся и не мог найти своих товарищей. — *Да, конечно.* — Это расстроило меня настолько, что я совершенно не замечал ничего вокруг. Я не хотел на тебя кричать.

— И р-ругать тоже не будете? — тихо спросил он.

— Не буду, — покачал головой я. Он нахмурился. — Правда не буду. Но как ты здесь оказался?

— Артур сказал, где-то з-здесь живёт учитель. Его хижина стоит среди леса. Мы играли, но п-потом он сказал бежать сюда, раз я хочу научиться читать. И, к-кажется, я заблудился...

— А Артур?..

— Мой брат, — пояснил мальчик, пожимая плечами. Он вытащил цветастые фантики, внимательно разглядывая их, и улыбнулся, довольный неожиданной находкой. Карамельные глаза обратились ко мне. — Вы не здешний.

Это звучало как констатация факта. Возможно, в его глазах я выглядел бродягой. И пусть за ободранными тряпками прятался костюм — это не придавало мне уверенности в том, что он поверит хоть одному моему слову. Я странный взрослый, на которого он наткнулся в метель, а он просто заплутавший ребенок. Но вот его раскрытая ладонка предлагает мне сладость, и настанет моё время испытывать недоверие.

— Мама говорит, нужно быть гостеприимным к тем, кто посещает нашу землю. Доброта...

— располагает, — закончил я за него удивлённо. Эти слова были мне очень знакомы. — Да, моя мать тоже часто об этом говорит...

Я принял его скромное угощение, развернул цветную фольгу, и это было первым вкусом, чувством яркого тепла на душе, которое я ощутил, находясь в этом странном месте. Он улыбнулся мне, прикрывая глаза, рот мальчишки растянулся, обнажая зубы, и уголок моего рта невольно потянулся вверх в полуулыбке.

Голос Гарольда исчез. Исчезли Шон, Рич, Анже — все они словно стали больными фантазиями, моим страшным сном, от которого я проснулся на этой промёрзлой земле, повстречав его.

— Как тебя зовут?

— Лео.

Лео... Забавно, даже его имя означало силу, излучающую тёплый свет. Он протянул мне ладонку ещё раз, и я вцепился в неё, обхватывая тремя пальцами — настолько крошечным был этот человек, — и пожал её.

— Луис, — представился я. — И спасибо, что не убежал. Я уже отчаялся увидеть здесь кого-то... осязаемого.

Рыжеватые ниточки бровей поползли вверх.

— Что это значит?

— Что именно?

— Вот это слово. «Осяза...» — он нахмурился, пытаясь вспомнить его произношение. — «Осезаи...». У меня не выходит...

— Осязать — значит, чувствовать, коснуться. Ты убеждаешься в том, что всё настоящее. Лео засмеялся, хлопнув в ладоши.

— Ты такой смешной, Луис. Как я могу не быть настоящим?

Ох, парень, знал бы ты...

— Боюсь представить, малыш... — отшутился я и вздрогнул от резкого порыва ветра. Снегопад усиливался. Я гадал, что сейчас лучше сделать: ждать, чтобы меня вытащили отсюда, или последовать за этим юнцом в более подходящее место. Лучше мёрзнуть за крепкими стенами, чем быть погребённым под толщей снега. — Слушай, всё это, конечно, здорово, но мне бы хотелось найти выход отсюда. Ты ориентируе... — я замолк. Может, он не знает значения и этого слова, чёрт. — Ты помнишь примерно, откуда пришёл?

Лео обернулся, и я встал рядом с ним, уныло наблюдая, как снег заметает его свежие следы.

— Ты можешь провести меня туда, где находится ваш дом? Может, по пути мы встретим Артура? Я бы хотел оказаться в месте, в котором можно остаться на ночь или чуть больше того.

— Мой брат знает эти места лучше меня. Уверен, он отослал меня, чтобы спокойно сидеть дома и читать те книги... — обиженно протянул мальчишка. — Вы хотите заплатить за дом?

— Ну, не дом, но было бы кстати отыскать какую-то свободную комнату. Может, гостиницу? Мотель?

— А! — он ударил кулачком по раскрытой ладошке, что-то придумав.

Конечно, денег в моих карманах не было и в помине, хотя я точно помнил, что сидел в кабинете Гарольда со своим кошельком. Но в нём находились лишь карты, и вряд ли здесь кто-то вообще знал о безналичной оплате. Серьёзно, оглянитесь вокруг. Здесь же ни черта нет.

— Вы про мотель дядюшки Эндрю?

Я закатил глаза. Будто я мог знать, кто такой этот дядюшка Эндрю.

— Может быть, — сдержанно пробормотал я, подыгрывая ему.

Он вновь зарылся в карманы своей куртки, достал оттуда конфету и закинул её в рот, причмокивая от удовольствия. Цветные фантики выскользнули из его ладошки, и Лео пошёл вперёд, ведомый чёрт пойми каким ориентиром, известным только ему.

Я полагался на ребёнка скольких лет? Ему же едва ли больше четырёх-пяти!

Однако что мне ещё оставалось?

Я замёрз, колени подкашивались, и я совершенно не чувствовал своих стоп. Какая уже разница? Теперь я в действительности начинал жалеть, что вышел за дверь. Там было холодно, тяжело морально, но не так невыносимо, как снаружи.

Остаток нашего пути был наполнен его бесконечным трёпом. Он рассказывал о том, что их городок был отрезан от окружающего мира, потому что строительство моста приостановилось из-за непогоды, взрослые не могли отправиться на работу, поэтому они часто собирались в гостях друг у друга, чтобы разделить трапезу. Все его рассказы хоть и утомляли нескончаемым потоком слов, но за ними я понял, что место, в которое мы направлялись, и без моего рта было слишком скромным, чтобы вмещать в себя посторонних. Оттого порой становилось грустно, что даже для такого ребёнка, как он, лишняя конфетка была праздником, а он так бездумно делился ей с кем-то вроде меня.

Временами Лео спотыкался, и я подхватывал его, натягивал шапку на голову, а он улыбался так лучезарно и искренне, словно в самом деле нашёл в моем лице друга, которого очень давно не видел.

Гарольд, ты вообще знаешь о том, что сейчас происходит?

Шон и Рич казались выдумкой. Я повторял себе это из раза в раз, потому что не ощущал их присутствия, не слышал насмешливого смеха Рича или низкого голоса Шона, молящего о помощи. Всё это вымысел, как и то, что происходило сейчас. Мне просто нужно дождаться того момента, когда Гарольд вытащит меня отсюда. Может, он ждал того же, что и в прошлый раз? Какого-то всплеска эмоций? Момент, когда я впаду в полное оцепенение?

— ...потому не хочу закрывать глаза ночью! — воскликнул Лео. Я удивлённо моргнул, возвращая внимание к нему.

— Что?

Он посмотрел на меня, встав вполоборота. Да-да, я несносный глухой дядька, который свалился на тебя, как чёртов снег на голову. Лео вздохнул так, словно до этого перетащил десять мешков картошки.

— Ну, ночью же тоже что-то происходит. Это тоже жизнь. А мы спим, — он завёл разговор об очередной своей чудаковатой теории. — Что, если мы что-то упускаем, как только засыпаем или просто закрываем глаза на секунду?

Я отмахнулся, поражаясь тому, что всерьёз начинаю с ним спорить:

— Глупости, когда ты спишь, вокруг ровным счётом ничего не меняется.

— Какой аргументный аргумент, — саркастически заметил он, продолжив идти. — Артур тоже так сказал, но я не верю. Должно же быть что-то.

— Нет, — возразил я. — Вообще. Идёт время, но не более. От силы дождь пойдёт или снег.

— А что, если этот снег будет летом? — не унимался ребёнок.

— Исключено.

— Вы не можете этого знать наверняка, — чуть громче сказал он.

— Могу, — еле слышно ответил я и сам себе не верил.

За всей этой нелепой беседой, которая началась так же скоро, как и закончилась, я упустил из виду то, что мы уже не вязли среди сугробов, стараясь не навернуться на ровном месте, а вышли на утоптанную тропу. Если я скажу, что внутри меня ничего не перевернулось, — совру. Одному только Богу известно, как мы не заплутали. Вокруг всё казалось одинаковым, словно этот пейзаж создал какой-то лентяй, умевший только «копировать-вставить».

— Сколько ещё идти?

Мои руки были готовы вот-вот отвалиться, и в сознании мелькнула картинка камина и кучек книг вокруг облезлого дивана. Ох, только не думай, что скучаешь по тому жалкому подобию дома, Луис.

— Совсем чуть-чуть.

— Лео?

— Что?

— Спасибо.

— Да ладно вам, — смутился мальчуган.

Я шёл с ним плечом к плечу и мог ясно видеть, как заблестели его маленькие глаза, точно огоньки, тонущие в бездне вселенной. Я подавился собственным смехом. Что за глупое сравнение? Лео коротко взглянул на меня, нашёптывая себе под нос что-то, что я не мог расслышать.

— Я тут подумал, — как бы невзначай начал я. — Если город так ску... беден, то почему же люди его не оставили?

— Здесь есть шахты. Почти все взрослые — шахтёры. Папа тоже раньше работал с ними, но потом его перевели. Хотя мама говорит, что он поссорился с их главарём.

— Начальником? — уточнил я. Мальчуган кивнул. — По поводу?

— Заступился за нашего дядю Питера, которого привёл с собой. Тот дядька сказал, что дядя Питер ворует у бригады.

— А это было так?

— Нет. Это делал друг того дядьки, а он его прикрывал, но папа подловил их. Тогда папу и перевели, а дядя Питер ушёл к дяде Эндрю работать в мотеле.

— А начальника посадили?

— Он исчез. Тогда же. Говорят, что его наказали. Мама, правда, сказала, что его поставили в угол, но я не верю в это. Разве так наказывают взрослых? Я маленький, но не глупый, — раздражённо пробурчал ребёнок, вызывая во мне смех. — А будь вы на месте папы, то что бы вы... — с каждым словом голос его становился тише, пока мальчишка не замолк, в следующую секунду подпрыгивая с места.

— Малыш?

— Мам! — заверещал Лео, несясь вперед.

Я посмотрел ему вслед, замечая где-то вдали очертания человека, идущего навстречу. Ускоряя шаг, я заметил, как мальчик начал замедляться и где-то в середине между мной и фигурой замер, возможно, устав, что было бы неудивительно. Лео обернулся, махая мне рукой, и я прибавил шаг. Фигура оказалась полноватой женщиной с округлым лицом и тёмными волосами, ниже меня на две головы. Она добродушно улыбнулась, подхватила мальчишку на руки и поцеловала в обе щеки. Он покраснел, отворачиваясь от неё всеми силами, пока она не опустила его обратно на землю.

— Лео сказал, вы ищете ночлег, мы вас проведем.

— Спасибо, миссис?..

— Зовите меня просто Анной.

— У мамы два имени, но она не хвастается, — спрятавшись за женщину, сказал ребёнок.

— Ох, болтун, — смеялась Анна. — А как вас зовут, юноша?

— Меня зовут... Меня зовут Луис.

— Ма-а-ам, а Артур уже дома? — протянул Лео, испытываясь глядя на женщину. — Мы играли, но я потерял его и нашёл...

— Меня...

Прервав его речь, я взглянул в глаза женщины, её плечи дрожали. Мальчик не заметил этого, продолжая тараторить и ходить вокруг неё, жестикулируя маленькими ручками. Улыбка пропала с её лица, она поджала губы, отводя глаза в сторону. Это заставило каждую мышцу в моём теле напрячься. Здесь определённо что-то произошло, пока Лео бродил по лесу.

— Детка, пойдём лучше отведём Луиса к Эндрю, он наверняка продрог до костей.

— Но, мам, Артур...

— Лео, хватит, — попросила она его, взяв за руку. — Прошу, Луис, следуйте за нами. У меня сердце кровью обливается от одного вашего вида. Найдём вам сменную одежду, подготовим комнату...

— Это может оказаться проблематичным, — выронил я, теряясь перед ней. — У меня совсем нет денег.

— Здесь это не беда, — обронила она, натянуто улыбнувшись. В её глазах отгорал закат сегодняшнего дня. Возможно, через пару часов я вновь окажусь частью тех развалин или Гарольд всё же вытащит меня отсюда. — Эндрю завтра скажет, как вы сможете отработать своё проживание.

И мы пошли в тишине, медленно семеня ногами, в место, которое наполнено теплом.

Мне казалось, что моя голова вертится на все триста шестьдесят градусов — таким чудным казалось мне это место, заснеженное снаружи и такое горящее внутри. Никогда раньше мне в голову не приходила мысль, что тепло — это диковинка. Дар Божий, который разучились ценить, как и многие вещи вокруг. Почему я не знал его раньше? В горячей воде я таял от ещё одного чувства. Удовольствия, которое не мог должным образом передать. Анна оттирала грязь с моего тела, мы почти не говорили. Лео играл с хозяином мотеля в карты. Его смех доносился даже до ванной, но мать не разделяла веселья сына.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.